

Роза Хусни

Пожар во благо, привет из Парижа...

195

Два друга

Два человека в Казани дружили. Вот один из них собрался в Париж. Ты мне весточку из Парижа пришли, сказал остающийся. «Телеграмму, что ли, послать?» – спросил отъезжающий. «Нет, телеграмма – дорого, не посылай, но ты же знаешь, я на тридцать пятом этаже живу, вот ты приедешь в Париж, поднимись там на Эйфелеву башню и зеркальцем мне посвети, а я на свой балкон здесь выйду и зеркальцем тебе отвечу». Так и договорились.

Уехал друг. Добрался до Парижа, отыскал Эйфелеву башню, поднялся с зеркальцем в руке. Только в этот день в Париже пасмурно было, дождик шёл. Что делать? Стоит приезжий на Эйфелевой башне, в затылке скребёт, сокрушается, как другу весточку в Казань послать? А в Казани его друг на балконе, на тридцать пятом этаже стоит, тоже в затылке скребёт, сокрушается, как другу весточку послать, если в Казани дождь, пасмурно...

Пришлось обоим лишь мысленно послать приветы друг другу. Тоже хорошо. Некоторые и этого не делают.

Черепаша

– Ты уродлива, – сказал человек черепахе. – И голова твоя уродлива, и спина, и лапы...

– Да, – сказала черепаха и умерла.

И стала пылью, дождём, цветком, серебряной луной на небе стала, тяжёлым камнем на дне реки... Но никогда-никогда не стала человеком. Не захотела...

Монолог плывущего в облаке

196

– КОНЕЧНО, трудно жить в облаке, во-первых, ничего вокруг не видно, во-вторых, всё время куда-то плывёшь, движешься, в-третьих, откроется прореха внизу, посмотришь – земля далеко-далеко, понимаешь, выпадешь из облака – разобьёшься. Но, с другой стороны, в облаке – тихо, не беспокоит ни снег, ни град, ни пулемётная стрельба, лежишь, как на перине, плывёшь куда-то, вроде даже путешествуешь вокруг земного шара. Откроется прореха наверху – видишь солнце, даже ближе, чем с земли, жарче светит... А главное: живут ведь другие, каждый в своём облаке! Тоже плывут, движутся, веря, что это и есть земля обетованная, Ноев ковчег, самое укромное место... Годами так живут, а некоторые – и всю жизнь!

Две рыбки

Две рыбки плескались в ведёрке: одна рыбка с воображением была, другая без. Та, которая с воображением, смотрела на зелёное, измазанное краской дно ведёрка и думала: «Это дно морское, это водоросли зелёные...» А другая смотрела и думала: «Вот попалась... Скоро – под нож...»

И правда, скоро нож появился, острый, блестящий, завертелся, закружился над ними...

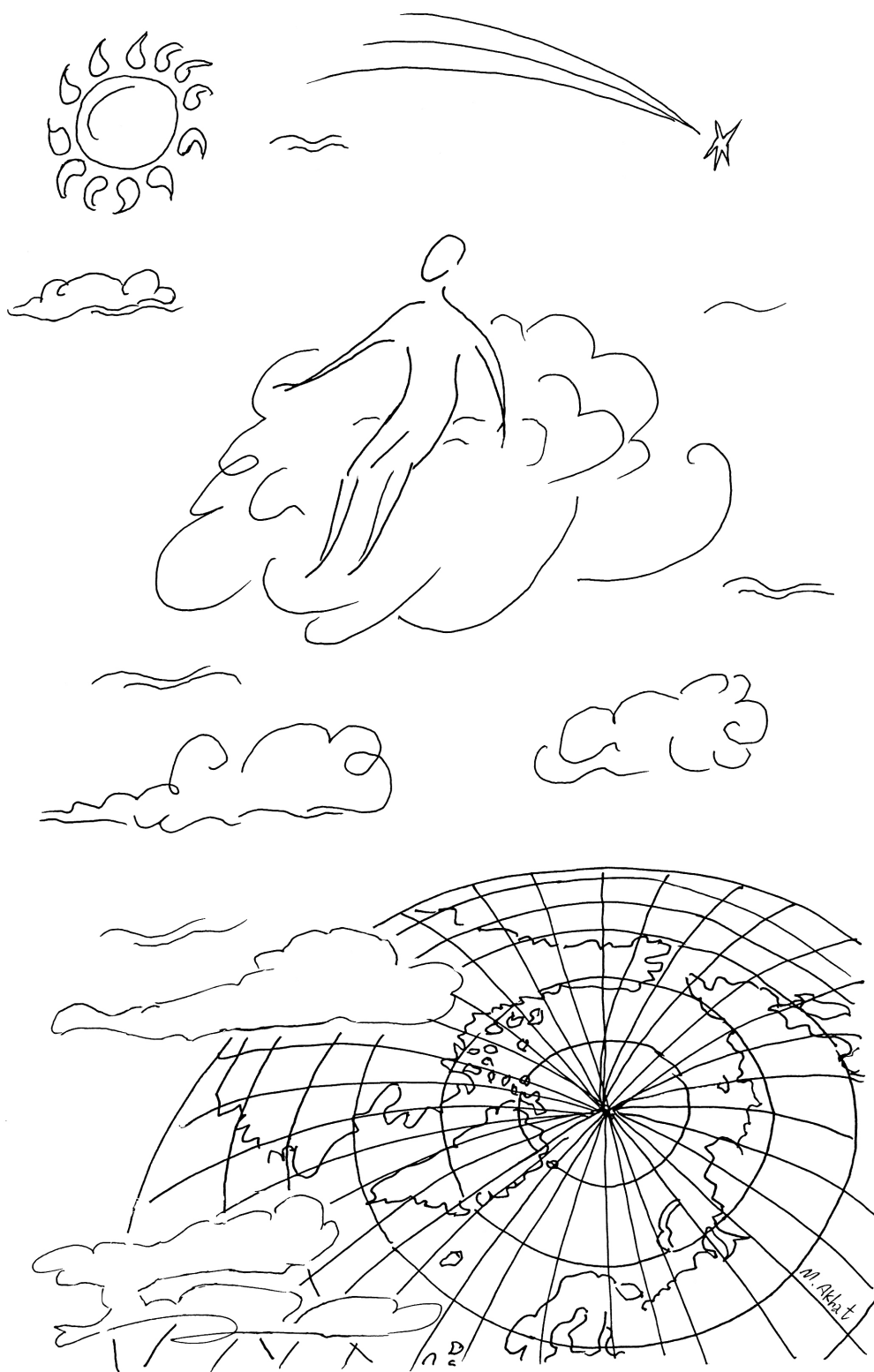
– Меч! Рыба-меч! – испугалась первая рыба да как шарахнется, как выпрыгнет из ведёрка – прямо на подоконник, прямо вниз с пятого этажа, прямо – в бассейн, который был внизу! А посреди бассейна лягушка сидела, каменная, и никак квакнуть не могла. Вот хочет – а никак. И вдруг кто-то – бух! Кто-то с пятого этажа, прямо рядом – бух!

И лягушка сказала:

– Ква-а!

Она бы хотела сказать длинно, она бы хотела сказать: «Рыба, я вас уважаю. Я уважаю рыб, которые прыгают с пятого этажа, если им надо в воду...» Но она сказала: «Ква!» И рыба вильнула хвостиком, будто всё поняла.

А в это время другой рыбке хвост отрубили, голову отрубили, все косточки перемыли, съели да ещё сказали: «Разве одной рыбой наешься!»

Точка зрения

Жар-птица взмахнула крыльями, и всё в лесу засветилось, заиграло радужными красками, все стали свистеть, плясать, кричать, радоваться. Один филин бурчал угрюмо:

– Чего радуются? В темноте-то лучше, хоть не видно, как друг дружку поедом едим!

198

Кузнечик и лошадь

Как-то кузнечик увидел на лугу пасущуюся лошадь и спросил:

– У меня две ноги. А у тебя сколько?

– Когда стою – четыре, когда скачу – восемь, а бывает и шестнадцать и даже тридцать две, – ответила лошадь.

– Не может быть! – сказал кузнечик.

– Прыгай мне на спину, поскачу – увидишь.

Кузнечик запрыгнул лошади на спину, вцепился ей в гриву, и лошадь поскакала.

И сначала, свесившись с гривы вниз, кузнечик видел перед собой четыре мелькающие ноги лошади, потом – восемь, потом – сбился со счёту, потом, когда лошадь поскакала быстрее, чем ветер, он не удержался и полетел вниз. Очутился на зелёном лугу, далеко от дома. Остался здесь жить, сдружился с другими, местными кузнечиками, а по вечерам рассказывал им о том, как был знаком на родине с одной замечательной лошадью, у которой было целых тридцать две ноги...

Машинист и корова

Как-то машинист увидел из окна паровоза поляну зелёную, на ней – корову, пасущуюся, и дал свисток. Корова в ответ замычала, да так громко, что паровоз чуть с рельсов не сошёл. Перепугался машинист, с тех пор, если видел поляну, а на ней корову, не свистел, только рукой махал или фуражкой. А корова в ответ только хвостом махала или венком из ромашек.

Так и расходились в разные стороны, без происшествий и аварий.

Маяк

Жил человек при маяке сторожем, в деревянном домике, зажигал маяк бензином, керосином, электричеством. Раз кончился бензин, керосин, и движок заглох, который электричество давал. А день был туманный, по морю корабли шли и гудели во тьме, маяк им не светил. Взял сторож и поджёг свой домик. Огонь далеко стало видно. Как раз в этот час корабль с сорока матросами мимо шёл, прямо на мель. Тут матросы увидели огонь, в сторону свернули, спаслись. Потом матросы в благодарность сторожу домик новый построили, ещё лучше прежнего, бензин, керосин привезли и движок починили. Да ещё вкусной рыбой угостили, хороший ты человек, сказали.

199

Туннель

Как-то вошёл товарный поезд в туннель. А из него не вышел. Потом в туннель вошёл железнодорожник, проверяющий рельсы. И тоже не вышел. Потом вошла корова, пасущаяся неподалёку. Вошла в туннель, но не вышла. Вызвали полицейских с овчарками. Они вошли в туннель, но оттуда не вышли. Тогда перестали входить в туннель, чтобы не пропадать в нём. А через некоторое время совсем в другом городе обнаружили и машиниста, и железнодорожника, и корову, и полицейского с овчарками. Оказывается, в этом туннеле вход в другой туннель был, только он был завален камнями. А как отвалили камень, вход в другой туннель и обнаружился. По нему и добрались до чужого и очень красивого города, стали в нём жить.

Если задуматься, сколько на свете туннелей, из которых ещё туннели есть? В другие города, в другие страны, в другие времена...

Рыжий Афанасий

Лукерья да Гликерья в лесу глухом соседа своего, рыжего Афанасия, повстречали, бока ему намяли, спину отдубасили, рёбра пересчитали, шишки на лбу поставили, пятки пощекотали, за уши потаскали и сказали:

— Смотри, Афанасий, больше в наш сад-огород не лазь, репу нашу не таскай!

Рыжий Афанасий, еле живой, до дому добрался, на печи отлежался, а ночью, когда месяц ясный на небе показался, опять полез через плетень в сад-огород к Лукерье да Гликерье, уж больно сладкими репа да морковь у них уродились.

Слоны

Шло стадо слонов по тропическому лесу. Вдруг один из слонов остановился.
– Стойте, я чуть муравья не задавил, тут муравейник!
Слоны повернули в другую сторону, обошли муравейник.
Великаны великодушны!

200

Облачко

Одно весеннее облачко, пролетавшее над городом, зацепилось за острый шпиль высотного здания, что на набережной, и никак не могло отцепиться. Хорошо, мальчик с девяносто седьмого этажа запускал с балкона бумажного змея. Змей подлетел к облачку, отцепил от шпиля и унёс в небо. Облачко в благодарность пролилось над городом весенним дождём.

Точка

Одна точка никак не могла найти себе места. Куда ни попадёт – всё не туда. Попала к одному человеку на лицо, сказали:

– Неприятный какой человек, у него лицо всё в точках!

Попала на чашку фарфоровую, сказали:

– Бракованная чашка, не годится для подарка!

Как-то красавица из Индии её к себе взяла, в краску красную обмакнула, на лоб себе посадила.

– Красавица знатного рода! – сказали.

Но на ночь красавица смыла точку с лица, пришлось отправиться дальше. Долго так точка по свету блуждала, наконец, попала в дом к человеку, который писал, писал, остановиться не мог. Жена его просила остановиться, дети, издатели, читатели, а он всё пишет и пишет. Тут точка опустилась к нему на страницу, человек сказал:

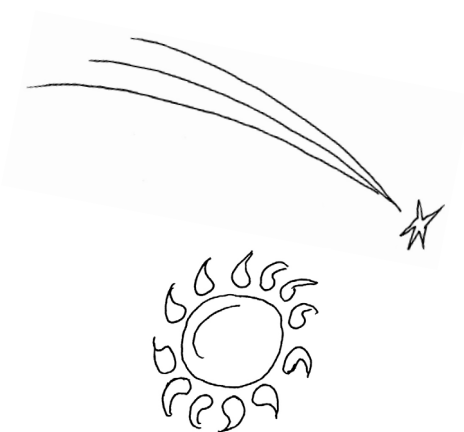
– Всё! Ставлю точку!

И поставил. Таким образом точка, наконец, нашла своё место.

Дворник

Один дворник очень любил свою работу. Он убирал улицу и утром, и вечером, и в сумерках, поэтому на улице было всегда чисто. Летом он подметал улицу пушистой метлой, зимой расчищал от снега деревянной лопатой, осенью сгребал в кучу опавшие листья и сжигал их на кострах. Когда на улице случался пожар, он первый вызывал пожарных, врачей... Раз он оказался на отдыхе в пустыне, стал подметать и здесь, среди барханов. Когда дворник умер и вознёсся на небо, стал и там подметать. И звёзды радовались, что вокруг чисто, нет ни осколков метеоритов, ни сгоревших спутников, никакого космического мусора. Только Луна, Звёзды и дворник, размахивающий метлой.

Москва

201

пожар во благо, привет из парижа...